

ДМИТРИЙ МАНЬКОВ

сборник юмористических рассказов

Ирония судьбы, или...

Что попало!

Дмитрий Маньков

Ирония судьбы, или что попало

«Автор»

2026

Маньков Д. С.

Ирония судьбы, или что попало / Д. С. Маньков — «Автор»,
2026

Вы когда-нибудь пытались собрать шкаф из Икеи, а в итоге построили арт-объект под названием «Кривизна пространства»? Или давали обещание «начать новую жизнь с понедельника» уже в тридцатый раз? Если да — эта книга для вас. Сборник рассказов о тех, кто вечно попадает впросак, но не теряет чувства юмора. Герои этих историй — наши с вами зеркальные отражения: нелепые, трогательные и бесконечно смешные в своей борьбе с бытом, работой, родственниками и собственной ленью. Здесь не будет героев в сияющих доспехах, зато будут живые, настоящие неудачники, которые вызывают не осуждение, а тёплый смех сквозь слёзы. Потому что жизнь — это комедия, и мы в ней все — главные актёры, даже когда падаем на ровном месте.

© Маньков Д. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Наказание	5
Покушение	10
Некоторые неприятности	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Маньков

Ирония судьбы, или что попало

Наказание

Один умный человек, имя которого, к сожалению, уже давно все позабыли, как-то сказал: «Юмор – это то, чему в нашей с вами жизни всегда будет место и время».

Ну, поскольку имя его, как я уже сказал, никто не помнит, припишу-ка я эти слова себе... вам, вроде как всё равно, а мне – приятно!

Так вот... о чём это я?

Ах, да! Дело, значит, было ранней весной. Или осенью? Не важно. В общем, было. А было следующее.

Возвращался я как-то с работы домой. Ну, я, вроде как, всегда после работы домой возвращаюсь. А куда же ещё после работы можно возвращаться? По мне, так только домой. В общем, вот! И пока я туда, в смысле домой, возвращаюсь, думаю. Вообще я часто люблю подумывать. Есть у меня такая грешная черта – думать. Нет, ну я, конечно, не особо злоупотребляю. Как, например, спиртным. Хотя я и спиртным-то не сильно тоже это самое... того. Ну, в смысле не сильно... что-то я запутался. Ах, да! Вот. Иду я, значит, и думаю. А думаю я вот по какой причине. У жены моей, Светки, должен быть-то день этого самого... как его там?... а, ну да! Рождения! Вот. И я, значит-то, по этому как раз поводу и решил-то подумать немного. Ну, вроде как, не особо напрягаясь, но и так, чтобы душа-то она и совестью чтобы не загрызалась. Ага.

Стало быть, иду я, думаю. И вдруг как... ну не поверите, честное слово, сам в этом самом, как его, а – шоке-то был!... и придумал. А придумал следующее. С работы-то я тогда ушёл пораньше. Ну, вроде как вспомнил о Светкином этом – дне рождения, вот. Нет, ну вспомнил-то я конечно уже по дороге. Только она ведь этого не знает. Так и пускай думает, что это я для неё... как бы в подарок... того... сделал, в общем. То есть, вроде как помочь на стол накрыть, приготовить... нет, ну сам-то я, как любой нормальный мужик, готовить не умею, но, так сказать, морально поддерживать смогу. Вот, значит, и решил.

И так я от этой-то мысли возгордился-то. Что и настроение разом куда-то поднялось. Нет, не то, чтобы я часто забывал про всякие там ну, даты разные, праздники. Но бывало и такое. А теперь вот вспомнил и думаю. Думаю и сам себе удивляюсь. И чего это со мной сегодня такое? Видно люди и впрямь с возрастом умнеть-то начинают! О, какая штука. Ну, ничего. День-то и в самом деле необычный. Чай, не каждый день в году у жены день рождения, о котором я не забываю.

Так вот. А мысль моя такая, что надо бы с собой ещё и в подарок чего принести. Мысль-то она может, конечно, и хорошая, да только трудноосуществимая. И как всегда, по причине денег, точнее их полного отсутствия. А так-то она мне, эта мысль, понравилась.... И стал я, в общем, вдвойне усерднее ворочать своими извилинками, думая, как бы её-то в жизнь и воплотить. Думал-думал, думал-думал. Пока не встретил по пути нашего местного кузнеца, Ивана. Вот Ивана-то мне и подкинул идею.

«Пойди, - говорит, - ты, Егор, на поле. Да нарви ей огромный букет цветов».

«Полевых, что ли?». – спросил я.

«Не хочешь полевые, залезь в сад бабы Нюры. Надергай культурных. Розы. Тюльпаны. Но только я тебе бы не посоветовал туда идти».

«Это ещё почему?»

«А разве не помнишь, как она позавчера солью-то накормила Романа - тракториста? А ведь он всего один цветочек хотел сорвать!»

Что-то напомнил мне Иван про этот-то случай, и отпало всё желание лезть куда-то за цветами. Ромке не повезло тогда сильно. Долго на мягкое место присесть не мог. И пошёл я, в общем, на поле за полевыми цветами. Надергал целый стог — уж не помню, как до дому-то дотащил. Но всё же дотащил.

Дотащил, высыпал в прихожей подальше от порога, чтобы, значит, не мешали ходить, и с довольным видом заваливаю в хату.

А там — крики, вздохи. Ну, словно, режут кого. Я-то поначалу и не понял, что собственно происходит. Слышу, кричит кто-то. Вроде на Светку похоже. Ну, я и решил-то пойти глянуть. Авось что дурное случилось? Захожу, значит, в спальню, а там такое...

Светка моя с каким-то мужиком в постели кувыркается! Да ещё и так увлечённо, что не заметила, как муж пришёл.

Ну, я-то сперва думаю — взять-то своё охотничье ружьё и пристрелить обоих. Но потом вспомнил, что нет у меня этого охотничьего-то ружья. А как без него этих негодных пристрелить? Никак. Вышел я тогда из спальни и решил немного подумать.

А так видно, в этот день уже переусердствовал с размышлениями, что ни одной мысли в голову не лезло. Ну, хоть сам иди и стреляйся. И то не чем! Такая меня тогда злоба-то взяла. Ну, просто гнев праведный. Как, думаю, с ними поступить, чтобы навек запомнили, что значит измена? Я-то сам по себе человек не ревнивый, спокойный. И жену свою люблю. Так чего же ей не хватало? Ну, баба есть баба, умом её не поймёшь.

Сижу, значит, на крыльце, курю, и думать пытаюсь. И тут, как назло, выходит этот чудо-мужичок. Штаны расстёгнуты, рубашка на изнанку... ну, писанный красавец! Выходит, меня увидел и как вскрикнет от неожиданности...

Я, было, чуть сигаретой не подавился!

— Чего ты здесь разорался? — говорю. — Не видишь, я думаю!

Мужик так и сел, где стоял. А я тем временем затаился и более спокойным тоном добавил:

— Шёл бы ты дальше с моей женой развлекаться, пока есть чем развлекаться...

Мужик, ничего не понимая, сидит и только пупетками своими часто-часто моргает.

Тут, на крик видно, выбежала и вся взъерошенная Светка, горе-жена моя. Выбежала, меня увидела и ка-а-ак...

— Да что же это такое?! — не выдержал я такой дерзости. Мало того, что чем-то непонятно как там занимались, пока меня не было, так ещё и спокойно решить свою же судьбу не дают. Неужели нельзя как-то по-иному удивляться? Вот я, например, зашёл, увидел, вышел, сел и курю. Кто-нибудь слышал, чтобы я хоть звук издал? Нет! А ведь мог бы! И даже больше — имел, как говорится, полное право! А вы что за балаган тут устроили?

Жена с любовником в растерянности переглянулись. Наверное, я выбрал верный тон.

— Вот, то-то же. Теперь уйдите с глаз долой. Я тут решаю, как с вами поступить.

Ну, Светка, конечно же, не ушла. Сидит, смотрит, слово сказать боится. Вся такая смиренная, честная, словно ни в чём и не виноватая. А мужичок-то подорвался, как по тревоге. Вскочил, рубаху в штаны заправил и деру. Думал, отделался лёгким испугом. Ну-ну.

— Э, нет, дружок! А вас-то я попрошу остаться.

— Кого? Меня? — не понял он.

— Тебя-тебя.

Надо было видеть лицо этого деревенского Казановы. Весь зашибленный, забитый, глаза бегают взад-вперёд, каждый сам по себе. И куда, спрашивается, девалась вся та уверенность, с которой лез чужой жене под юбку?

— А меня... а что, меня? Я, это, в общем-то, это, ну, может, вовсе и не это? Хотя, конечно, да, но это же ещё не это... я, в смысле, надо же как-то... хм... то есть, я хотел сказать, что это — ещё не значит, что оно не это, вот...

Я-то сам по себе не шибко глупый, но подобную словоблаторию разобрать так и не смог. И тут ситуацию попыталась спасти честная и верная жена.

— А может, кто чаю хочет?

Нет, я, конечно, свою жену люблю там и всё такое, но после таких переходов даже мне, деревенскому поухолё, стало как-то стыдно за неё. Ну, вот как после такого их понять вообще можно?

— Лучше самогонки принеси, пока я добрый...

И вот, сидим мы втроём на крыльце-то дома, солнце уже клонится к закату, а решения проблемы так никому на ум и не приходит. Любовник-неудачник, которого, как выяснилось, звать Аркадием, вмиг протрезвел и к сему моменту уже сидел и тупо клевал головой в колени. Но постоянно наполняющуюся стопку держал крепко, по-мужски. Светка пила мало и была самой трезвой из всех. От меня она держалась как можно дальше и по большей части помалкивала, вопреки своему обычному — болтливому характеру. А я пил, а в перерывах рассуждал вслух по делу.

— Нет, а что вы мне предлагаете сделать? Взять это, как его, ружьё и застрелить обоих? Была такая мысль... да только ружья-то нету. Надо было видеть их-то эти самые лица. Все бледные, словно в простоквашу окунули, перепуганные... есть топор, — продолжал я вслух рассуждать. Бледность на лицах стала больше напоминать синеватость утопленников, но топором нельзя. Ну, что ж, какой-то скотины? Нужно ж по-людски. По-человечески, так сказать. А как по-людски-то? Пожать руки да отпустить на все четыре стороны? Так ведь люди-то не поймут. Да и кто я после этого-то буду? Дед мой — казак донской. Он бы точно прямо руками голыми придушил обоих. — Аркадий издал звук, похожий больше на приступ кашля больного хрипотой хряка, который, судя по всему, должен был означать, что он не очень-то одобряет подобные методы решения конфликтов. — Вот и я бы не стал поступать столь варварским методом. И то только потому, что у жены моей любимой, — она даже вздрогнула от такого обращения, — сегодня как-никак день-то рождения. Вот. Отец-то мой столярный сын. Он бы, наверное, пошёл к себе в мастерскую и выстругал пару колева. Один тебе в сердце вогнать, — чокаясь с ужасающим, мамочка, что понимающим Аркадием, сказал я, — и один — тебе. — Кивок в сторону жены. Взгляда она не поднимала, но и так догадалась, кому адресовано это обращение. После этих слов у неё даже началась икота.

Просто я мужик серьёзный в отношении подобных разборок. Сказал — сделал. И Светка моя это прекрасно знает.

— Но ведь и это тоже как-то не по-людски. А что ещё можно сделать, я просто не знаю. Всё остальное не более оригинально: утопить, зарезать, сморить голодом, повесить, ну, в конце концов, можно и просто поколотить хорошенько. Что вы молчите? Я что, сам за вас всё решать должен?

В ответ лишь тишина мне была ответом. И так, наверное, ещё долго могло продолжаться, если бы мимо не проходил наш сельский ветеринар Евгений Сергеевич. Увидел он нас и решил зайти — поздороваться, значит. Тут я и думаю: а дай-ка у него спрошусь совета? Авось и подскажет чего. Сергеич-то он ведь доктор какой-никакой. Клятву этому самому... как его — ах, да — Гиппократу самому давал. Кажись... сплетни пускать не должно.

— Сергеич! — закричал я при виде его. — Заходи, ты нужен.

— Привет хозяевам сего славного дома! У вас, я гляжу, праздник? — ветеринар из него был отменный, а собеседник — и вовсе замечательный. Я и не припомню, сколько раз мы с этим весёлым лысоватым старичком прогоняли скуку долгими зимними вечерами за одним-другим стаканчиком горячего напитка... эх! Были времена... — Что празднуете?

— У жены день-то рождения, как-никак! — ответил я.

— Поздравляю. А помощь моя кому нужна?

— Мне.

У ветеринара брови так на затылок чуть не залезли.

— Да, совет мне твой нужен. Совет.

Сергеич вмиг расслабился и опустил рядом.

— А, понятно. Ну, наливай и спрашивай.

Я без зазрения совести вырвал стопку из рук уже потухшего любовника и, наполнив, протянул её гостю. Мы выпили и наполнили ещё сразу по одной.

— Ну, слушай. Ситуация такая. Вот представь, значит. У тебя живёт породистая кошка.

— Ну.

— Ты её очень любишь и оберегаешь...

— Ну.

— И вдруг внезапно повадился к ней ходить, значит, какой-то облезлый котара...

— Ага.

— Так вот. Возвращаешься ты как-то после работы пораньше домой...

— Угу...

— ... а там такое! Кошка твоя, любимая, чистенькая, породистая, с этим-то ободранным и грязным котом! Чем-то неизвестно чем занимается!!!

— Так.

— Вот, что бы ты сделал?

Сергей задумался ненадолго и осушил свой «бокал». Потом занюхал по старинке рукавом и, прокашлявшись, сказал:

— Я бы этого кота неугомонного просто кастрировал. Чтобы надолго отбить желание гулять по породистым кошкам.

— Кастрировал? А это как?

Врач наклонился ко мне поближе и прошептал на ухо, как он понимает это самое «кастрировать».

Я задумался. А и в самом деле неплохая идея-то.

— Слушай. А он-то это... того. Не откинется после этого?

— Кто? Кот-то? Да нет. Кот не откинется.

— А если не кот?

— Как не кот? А кто же?

— Ну, тоже грязный и ободранный, но не кот...

Сергей нахмурился.

— Чего-то ты мутишь, дружище. Как это кот, но не кот?

— Ну, вот так! Не кот!

Я кивнул на клюющего пьяной головой любовника.

— Ах, вот оно, в чём дело-то! Теперь всё понятно.

— Дело-то в чём понятно, а вот что с этим делом делать — пока не ясно. Ты вот как бы поступил?

— Я-то? Я бы выгнал в чём есть из дому. Да прогнал бы розгами по деревне. Пушай народ полюбуется на этих прелюбовцев. Любовников, то есть.

— А потом что?

— И пусть тешатся дальше! Выгнать жену из дому, развестись. Посмотрел бы я, как она после себе мужа искать станет!

— Да...

— А что? Зачем она тебе такая нужна?

— Да привык-то я к ней, зараза. Жалко дуреху.

— А себя тебе не жалко? Что народ-то скажет?

Света всё это время сидела неподалёку, спрятав лицо в ладони от стыда, и слушала, чем дело закончится. Даже пошевелиться боялась.

— Так незачем ему знать-то, народу. Ты вот никому не говори — и не узнает.

— Я-то не скажу, это понятно. Но ведь не по головке же их гладить за это? Нельзя так спускать!

— Так я и не собираюсь это так-то спускать. Да только придумать ничего не могу. Ты вот мужик в возрасте. Умный вроде. Помоги советом, а?

И стали мы вдвоём с ним думать. А мысли-то свои отмечали каждой выпитой стопкой. Так дело пошло быстрее.

Чего мы только ни напридумывали! Света успела несколько раз, наверное, посидеть за это время. А так ни к какому решению и не пришли. Одно — слишком мягко, другое — чересчур жестоко. И как тут найти золотую середину? Так и думали под равномерный храп Аркадия — женоугодника.

Интересная ситуация получилась. На улице ночь, мы с врачом-ветеринаром сидим и думаем, как наказать жену с любовником за измену, сам виновник торжества спит как убитый, а «верная» жена моя только и успевает бегать в избу за выпивкой. Глаза красные, заплаканные, руки трясутся, словно это не мы, а она здесь всю ночь сидела и опрокидывала стаканы один за другим. Вот что значит нервный стресс! И чего, спрашивается, нервничает? Ничего ведь пока дельного ещё не придумали!

Так дело подошло к рассвету. Выпивка вся закончилась. А душа всё ещё просила продолжения. И пошли мы с Сергеичем по деревне искать с утра пораньше чем душу больную потешить. Сперва в одном месте нашли, немного, потом ещё в одном. Потом ещё и ещё, и ещё немного...

В общем, очухался я в больнице дня через три с каким-то странным отравлением. Врачи сказали, что едва коньки не откинул. А я-то это... ничего и не помню вовсе. Ну, совсем. И говорить не могу. Только кряхтеть по-утиному. Светка, жена моя заботливая, от кровати не отходила ни на шаг. Даже в туалет боялась отойти. Так, значит, любит, подумал я тогда.

Ну, недели через две-три меня с горем пополам выпустили из этой дур-лечебницы, и мы счастливые и довольные отправились домой. Месяца полтора жили душа в душу, нарадоваться не могли. Пока память не начала возвращаться. Ну а как вспомнил, из-за чего напился, уже поздно было что-то делать.

Но я всё равно время от времени садился и думал. Врачи мне пить наотрез запретили, поэтому соображать приходилось на трезвый рассудок. И столько всего успел за всё время понапридумывать... столько интересных мыслей стало в голове-то моей появляться, что уже не я с тех пор просил совета, а народ сам стал приходить ко мне со своими проблемами. Так теперь на жизнь и зарабатываю. Одним посоветуешь — выпивкой наградит, другим — чем посуше. А мне ещё детишек растить. Так и живём — поживаем.

Любовника того никто и не видел с того памятного вечера. Поговаривают, будто растрепал всё-таки Сергеич по нетрезвой в чём причина-то моей внезапной болезни. Ну, народ его выловил и втолковал, что не очень-то хорошо так с честными и добрыми людьми поступать. Ну, как втолковал, так его и не видели больше. Только сам ветеринар с тех пор почему-то перестал котов кастрировать.

Почему — никому не объяснял....

Конец.

Покушение

Говорят, если ты задумал что-то, то лучше это делать сразу, быстро и без промедления. Иначе всё пойдёт не так, как задумано. Герой этой истории пренебрёг правилом, и подобная ошибка обошлась ему очень дорого.

— Не двигайся, или я убью тебя.

Олег зажмурился от бьющего в лицо света фонаря и отступил на шаг назад.

— Не двигайся, я сказал!

Говорящего видно не было, но это не мешало определить его место положения.

— Ладно, ладно! Я стою. Я не двигаюсь.

— Вот так. И не вздумай дёргаться! А то замочу быстро.

Судя по голосу, парень был на грани. Вот тебе и радостная встреча ночью на площадке. Интересно, что он здесь делает? Может, прячется от кого?

— Ну, козёл, попал ты! И даже не представляешь, как попал!

— А ты скажи, и я представлю.

— Я тебя замочу сейчас!

Парень заводит себя – понял Олег. Нарочно заводит, боясь, что не решится.

— Хорошо. Валяй.

— Хорошо? Нет, не хорошо. Ты сдохнешь сейчас! Как собака сдохнешь! И никто тебе уже не поможет!

— Ясно. Понятно. Я сдохну. Хорошо.

— Да что ты всё заладил? Хорошо, хорошо... врубись же, наконец! Тебе грозит смерть!

— Да понял я! — Олег уже сам не выдержал. — Мне грозит смерть! Дальше-то что?!

Парень молчал. Видимо, не ожидал подобного натиска с его стороны. Олег слушал его тяжёлое дыхание и сам постепенно начинал накаляться.

— Ну что ты там? Будешь меня убивать?

— Заткнись! Я сказал, заткнись!

— Да понял я... ещё с первого раза. — Олег сбавил тон. — Можно хоть перед смертью узнать, кто ты и за что убить меня решил?

— А тебе зачем? Ты ведь всё равно умрёшь?

Так, замечательно. Значит, мы не против пообщаться?

— Умру. Конечно. Сдохну, как ты сказал. Но интересно всё же...

— Нет. Стой молча!

— Ну пожалуйста! Нет, ну сам посуди. Кому я расскажу?

— А вдруг выживешь?

— Так ты сделай так, чтоб не выжил. Или не сможешь?

— Я-то не смогу? Сомневаешься?

— Стоп-стоп. Я-то как раз не сомневаюсь. Это ведь ты сказал, что я выжить могу.

— Н-ну да. Сказал. Нынче народ такой живучий пошёл.

О-хо-хо! Так мы ещё и знаток своего дела? Профессионал, так сказать? Философ, блин недоделанный!

— Не скажи, — Олег тоже решил немного поумничать, раз завязался разговор, — просто народ убивать разучился. Ты-то, я надеюсь, не из таких?

— Я нет.

— Вот и славненько. Так из-за чего тебе вдруг понадобилось меня убивать?

— Да сдалось тебе! Из-за чего, из-за чего... сдохнешь и ладно. Вот, тоже любопытный попался.

— А у меня не простое любопытство!

— Это как? Ты ведь всё равно умрёшь?

— Умру, но перед смертью я подумаю. Имеет ли смысл то, что ты меня убил. Если твои доводы достаточно веские, значит, успокоюсь и тихо мирно уйду на покой.

— А если нет?

— А если нет — мой дух не уйдёт никуда и станет ходить за тобой повсюду, пока ты сам не лишишь себя жизни.

— Ха! Так я и поверил!

— Не хочешь — не верь. А вот мой дед рассказывал, что он однажды случайно по пьяни человека в реку швырнул и тот умер. А потом очень долго за ним ходил тенью. Пока не сдох.

— Долго ходил?

— Пока дед не помер. При загадочных обстоятельствах...

Парень молчал. Подействовало.

— Так что, если у тебя есть серьёзные причины лишить меня жизни, валяй. Слова против не скажу. А если нет — извиняй. Тогда мы с тобой ещё долго общаться будем. Призраки, ты ведь знаешь, какие они? Есть им не надо, спать — тоже. Ты только представь, сколько свободного времени появляется!

— Так! Всё, хватит! Тебе что, жить надоело?

— А тебе, как будто нет? Или от хорошей жизни ты оказался в этом подъезде?

— У меня всё хорошо!

— Да, я не сомневаюсь!

Олега откровенно забавляла эта ситуация.

— Но только мне ты не рассказывай! Было б у тебя всё зашибись, сидел бы ты где-нибудь в сауне с телками и коньяк хлестал, а не тыкал в меня... кстати, что там у тебя? Нож, пистолет?

— Не твоё дело!

— Да, это понятно! Просто пистолетом сподручнее будет. Да и мне не так больно. Особенно если в голову.

— Это будет сюрприз.

— Понятно. Как и то, за что ты меня убить собрался?

— Да!

— Что, да? Если не скажешь, то у меня двойной интерес будет, и тогда я тебя точно в покое не оставлю. Буду ходить по пятам и загробным голосом твердить: «За что? За что?!»

Олег так увлёкся изображением ходячего мертвяка, что едва не наткнулся на горе-убийцу. Но тот, видимо, настолько перепугался, что сам от Олега так шарахнулся, что влетел в дальнюю стенку подъезда.

— Стой! — завопил он. — Не двигайся! Я стрелять буду!

— Всё, всё! — Олег отступил на шаг назад. — Прости, заигрался. Больше не буду. Обещаю.

— Ты что, псих? — спросил убийца, отдышавшись. — Чего творишь?

— Да говорю же! Заигрался! Больше не буду. Успокойся.

— Ладно...

— Слушай, а серьёзно. Чего ты здесь? Нет, правда! Сидел бы, водку пил с друзьями. И забот никаких. Нет, потянуло ночью в тёмный подъезд людей убивать. И как только в голову пришло?

— Не твоё дело! Стой и молчи.

— Так если я замолчу, так и от скуки помереть можно! Ты-то не особо сговорчив. Вон, каждое слово вытягивать приходится!

— И вовсе я не... в общем... чё это я не сговорчивый? Очень даже и сговорчивый!

— Да, сговорчивый-сговорчивый! Не переживай! Пошутил я! Но ты мне лучше вот что скажи. Всё-таки интересно. Я тебя не видел, денег ты тоже не требуешь. На кой оно тебе надо?

— А может, из-за денег-то как раз! Как тебе такой вариант?

Олег покачал головой.

— Чего тогда раньше не требовал?

— А, запугать посильнее хотел!

— Ну-ну! Запугал. Что дальше?

— Как что? Деньги гони!

— Так нет.

— Что нет?

— Нет их, денег-то! Вот какая штука.

— Значит, я тебя убью!

— Ну наконец-то! Аллилуйя! Я думал, этого уже никогда не произойдёт!

Убийца отступил на шаг назад. А Олег прыгал на месте и кричал как ребёнок, словно ему подарили долгожданную машину на пульте управления.

— Наконец-то! Наконец-то!.. Эй! Ты куда? А кто ж меня убивать-то будет?

Но убийца уже нёсся со всех ног, очертя голову, по пролетам вниз и прочь из подъезда. Крик Олега его уже, судя по всему, не волновал нисколько.

Олег улыбнулся, достал мобильник и набрал по памяти номер.

— Алё! Костян? Да. Слушай, вы ещё там? Отлично. Костян, сейчас из подъезда выбежал парнишка. Видишь? Замечательно! Узнайте у него, кто такой, чем дышит. Что? Да. Жаль потолковать нормально не получилось. Сбежал. Да. И это, Костян, объясните ему не сильно, что хорошим людям просто так угрожать не нужно. Это может плохо кончиться. Сделаешь? Спасибо, брат! До завтра!

Олег убрал телефон в карман и стал подниматься дальше, думая по пути, что темнота это, конечно, друг молодёжи, но лампочки в подъезде, всё-таки, стоит вкрутить. Ну, от греха подальше.

А то час неровен, забежит какой ещё отморозок и не станет в другой раз мешкать.

Вот и пиши тога пропало...

Конец.

Некоторые неприятности

Утро с похмелья нельзя назвать приятным. Особенно если это утро понедельника, на часах 7:15, вставать тебе нужно было в 6:00, чтобы встретить девушку на вокзале, рядом лежит обнажённая блондинка, а проснулся ты от звонка в дверь. Самое смешное, что на то, чтобы сообразить, что происходит, у меня ушло около пяти минут. Вспоминать, сколько и чего мы вчера выпили, времени не было, зато, что случилось потом, — оказалось нетрудно, и кто стоит за дверью — тоже. Имени блондинки я так и не вспомнил, как оно обычно и бывает. Потому просто накрыл её одеялом и выскочил в прихожую, на ходу пытаюсь натянуть на себя джинсы и вспомнить, есть ли у Лены с собой ключ. Стараясь много шума не создавать, я наткнулся практически на все неодушевлённые предметы в квартире, включая и недовольно «заворчавшего» кота. Так что версия «никого дома нет...» доблестно погибла ещё на полпути. А за дверью уже слышался недовольный голос разъярённой девицы. Нужно было как-то реагировать...

— Кто там?

— Как это КТО? — послышался дрожащий от гнева голос. — Ты сколько вчера выпил? Вопрос был явно риторическим, но я-то не сразу сообразил.

— Кто пил? Я пил? Да с чего ты взяла? Я вообще свою дозу знаю...

— Как же, как же! Проснулся утром с незнакомой блондинкой — перебрал. Так?

— Да!.. То есть — нет! В смысле — какая блондинка? У меня никого нет!

— И если ты сейчас же не откроешь дверь — так и будет! — пригрозила Лена.

Только я хотел ответить что-нибудь вразумительное, как из комнаты послышался голос злосчастной блондинки. Чтоб ей крепче спалось!

— Андрей, кто там? Ира пришла?

Заглянув в комнату, я бросил:

— Никто! Спи дальше!

И не успел вернуться к двери...

— К-какая Ира?

— Та, что за сигаретами пошла.

От волнения я начал заикаться:

— К-когда пошла?

Девушка пожалала плечами:

— Минут сорок, как ушла.

Выражение её лица было сонным, но счастливым. Я не мог понять, серьёзно она говорит или смеётся.

— Да ты не волнуйся! Она ж не одна пошла. Скоро должна прийти.

— Как прийти? С кем?

Похоже, моя неосведомлённость в том, кто и куда отлучался из моей же собственной квартиры, начала её уже доводить.

— Ногами! С Аленкой!

— С какой Аленкой?

Девушка уже готова была взорваться, но тут в прихожей вновь затрещал звонок. Окончательно теряясь в происходящем, я метнулся к двери.

— АЛЛО!

— Да, я здесь...

— А почему Я всё ещё ЗДЕСЬ?!

— Как твоё имя? — наверное, только в изрядно нетрезвом состоянии человек способен совсем без зазрения совести задавать подобные вопросы тому, с кем недавно переспал. К тому же я совершенно не озаботился отойти при этом от двери хотя бы на шаг.

— Чьё? — донеслось из комнаты.
— Чьё? — послышалось из-за двери. — И чей это голос?
— Мой. — машинально ответил я.
— Твоё имя? — снова из комнаты.
— Моё имя? — из-за двери.
— Да, твоё! — сам толком не понимая кому, ответил я.
В ответ после некоторой паузы послышалось в два голоса:
— Лена!
— Наташа!

У меня кругом пошла голова. В тот момент я был настолько взвинчен, что во всей этой круговерти не понял, кто из них что сказал. Вернее, что — я понял, а кто... — умом я, конечно, понимал, что Лена стоит за дверью, а Наташа сейчас в спальне, но послышалось почему-то обратное.

В этот миг завибрировал сотовый, который, судя по всему, всю ночь пролежал в кармане джинс.

— Да. — ответил я.
— Что, да? — донеслось из-за двери.
— Это Ира. — из трубки.
— Это Ира? — из комнаты.
— Кто, я — Ира? — из-за двери.
— Какая Ира? — это уже я. — Ах, да!
— Что, да? — из-за двери. — Какая Ира?
— Мы сейчас будем. — В трубке.
— Никакая! — за дверь и: — Не надо! — в трубку.
— Что, никакая? — из трубки.
— Что, не надо? — из-за двери.
— С кем ты разговариваешь? — из комнаты.
— Кто это там говорит? — из-за двери.
— Что-то случилось? — из трубки.
— Так это Ира? — из спальни.
— Снова — Ира?! — из-за двери.
— Мы поднимаемся... — из трубки.
— Андрей!
— Андрей!!!

— О, БО-О-О-ЖЕ!!! — я медленно сполз по стенке. Голова болела, но уже, судя по всему, не от похмелья. Эхо всё ещё разносило мой крик по квартире, но его уже сменяла столь желанная тишина. Молчали везде. Ни из-за двери, ни из комнаты не было слышно ни звука.

Какое-то время...

— Ты там? — негромко позвала из-за двери Лена.

Из спальни осторожно выглянула блондинка. Я уже не мог и не хотел себя контролировать.

— Уйди! Ради БОГА!

Блондинка лишь пожала худенькими плечиками и прошмыгнула в уборную. За дверью молчали. Лишь тихий голосок из телефонной трубки, которая в этот момент находилась где-то в руке, которая, к слову, не находилась около органа слуха, то есть там, где ей быть положено.

— Андрей, ты где? — расслышал я, вернув её на место.
— Откуда ты взялась?
— Кто, я? — заплаканным голосом спросила из-за двери Лена.
— Да не ты!

- Не я? Так ты не со мной... — Лена.
- Ты с кем там разговариваешь? — это Ира.
- С тобой!
- Со мной? — Лена.
- Нет!
- Нет? — Ира.
- Да!
- Андрей? — это блондинка.
- Да!
- Что, да? — Лена и Ира в один голос.
- Да, откуда вы все взяли?!

Пауза. Тишина. Трубку бросили. За дверью замолчали. Блондинка скрылась на кухне. Я окупнулся в тишину и одиночество.

Уже с закрытыми глазами я услышал осторожные шаги. Наташа, кажется так она представлялась, присела рядом и обняла меня. Я не стал сопротивляться. Стало немного легче. По началу.

Потом вновь затрещал телефон и послышался осторожный стук в дверь. У меня началась истерика.

- Кто там? — спросила Наташа.
- Я захохотал.
- Это ТАМ кто? — из-за двери. — Ты кто такая?
- Это я-то кто такая? — Наташа вскочила и прильнула к двери.
- Да, ты!
- Открой дверь. Я тебе покажу, кто я такая!
- Слышишь ты...

И тут понеслась такая отборная лексика в адрес обеих девушек, что мне вдруг стало дурно. В горле пересохло. И невыносимо хотелось курить. На глаза попался разрывающийся телефон. Отойдя подальше от двери, я взял трубку.

- Ира?
- Вспомнил?
- Нет. Но... не важно. Ты, кажется, за сигаретами ходила?
- Да, но тут такое дело.
- Что?

— Ты не поверишь... какая-то ненормальная ломится в твою дверь и грозит кого-то зашибить. И не только.

- Да, трудно себе представить. Сигареткой не угостишь?

Ира замялась:

- Легко, только как?
- А я сейчас к тебе выйду...

Я бросил трубку и направился к двери. Молча, отодвинув одну мадам, я открыл дверь и, осторожно втянувшись за ручку, заперся снаружи, прошёл мимо. И они принялись дальше кричать друг на друга, словно ничего и не было.

На меня словно уже никто и внимания не обращал. Ира, которая мне и вправду чем-то показалась знакомой, молча протянула сигарету, и мы закурили. Всё происходящее напоминало лучший до безумия сон.

- Чего ей надо? — в задумчивости спросила Ира.
- Я пожал плечами:
- Я уже и сам не знаю.
- Может, прогнать?

— Да нет. — я отмахнулся. — Пусть сами разбираются.

Дальше молча курили и в роли случайных зрителей оценивали особо оригинальные выражения. Не скрою, почерпнуть мне удалось очень многое в этой дружеской беседе. Пока обе оппонентки в один миг не замолчали. Та, что стояла по нашу сторону двери, медленно повернулась и широко раскрытыми глазами уставилась на меня.

А я не выдержал и снова расхохотался. Причём так, что Ира с Аленкой подумали, что мне плохо. Когда я прекратил смеяться, сумасшедшей возмутительницы покоя уже не было видно. «Это ж надо было так напиться!»

Мы сидели на кухне и пили горячий кофе. От спиртного Ирка с Аленкой наотрез отказались, в чём я их, впрочем, с охотой поддержал. Пора было завязывать с подобными попойками. Вскоре к нам присоединилась блондинка. Та самая блондинка, с которой я проснулся нынешним утром. Та самая блондинка, которую я встречал предыдущим утром. И, наконец, та самая блондинка, с которой я, собственно, и жил последние полгода. Блондинка по имени Лена. Но что блондинка — это точно. Это я уже потом вспомнил.

А ещё вспомнил, как Лена приехала не одна. Она привезла с собой двух подружек детства. Вспомнил, как мы решили немного «посидеть за встречу». Потом ещё немного посидели. Потом ещё... и ещё и снова... на том мои воспоминания заканчиваются. И приходят новые. Уже более постыдные.

Нет, ну ладно перебрал...

Но чтобы собственную девушку рядом с собой не узнать...

Да ещё и забыть, как уже встречал её один раз...

Пора бросать пить... это могло плохо кончиться.

— Так я не поняла... — задумчиво произнесла Лена.

— Не удивительно в твоём положении... — тут же не преминула вставить Алена.

Мы с Ирой, переглянувшись, хохотали. Лена лишь устало отмахнулась:

— Кто она?

Я с обречённым видом отхлебнул кофе и, в который уже раз, произнёс:

— В соседнем подъезде живёт парень примерно моих лет, мой тёзка. У него девушка, Наташа, работает в одном ресторанчике неподалёку. Она всегда приходит под утро. И, кстати, уже пару раз заставляла его изрядно выпившим в компании девушек...

— И ты принял её за...

Я обхватил голову руками и расхохотался.

Есть такая народная примета...

Если вы пробудились не дома,

С незнакомкой в обнимку лежа,

И никак не поймёте: «Какого...»,

То — гулянка была хороша!

Конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.